

этихъ вотъ дѣвицъ... и какое же сравненіе... съ нашими барышнями, хотя бы самыми... тонными!

— Des gommeuses, кривляки! — злобно выговорилъ Рынинъ, и подумалъ о своей женѣ.

— Именно... У нихъ — одна гистерія и фанаберія, а въ этихъ все для услажденія хорошаго мужа.

Рынинъ внутренне согласился съ этимъ, неизвѣстно какого сорта, человѣкомъ, очень пестро одѣтымъ. Онъ даже съ азартомъ выпилъ стаканъ, поданный ему татаринѣмъ, и опять прикоснулся горячими губами къ щекѣ Паши и ближе къ ней пригнулся, взявъ ее за руку и поцѣловалъ... Черезъ двѣ минуты хоръ подхватывалъ:

„За любовь мою, въ награду,
„Ты мнѣ сердце подари,
„Я помчуся съ нимъ въ Гренаду
„На крылахъ моей любви!

У Паши хорошаго голоса не было; она только подтягивала. Рынинъ увидалъ себя почти на колѣняхъ и гладилъ ее по плечу — накидку она сняла — гдѣ въ кружевные прошивки глядѣла ея круглая, атласистая, твердая и смугловатая рука только-что расцвѣтшей красавицы.

— Га... га!.. — раздалось опять гоготаніе Ногайцева. — Панъ полковникъ!.. Что я тебѣ, братецъ, пророчилъ? Руки лизать?!.. На колѣняхъ стоять? Спасибо, душканъ!..

Рынинъ быстро сѣлъ рядомъ съ Пашей.

— Нечего оправляться, — гоготалъ Ногайцевъ: — передъ такими душканами слѣдуетъ на колѣнки... — Полковникъ! Я вотъ что вамъ скажу: вѣдь цыганскій хоръ — это ни дать, ни взять, какъ у насъ въ мѣстѣ... женщины милыя бываютъ, хотя и не всѣ; а мужья... чавалы... хамы, вонъ тѣ, что сзади-то подтягиваютъ себѣ въ галстухъ... Ха, ха!..

„Человѣкъ съ перомъ“ захопалъ и закричалъ: — Браво!

Мартынъ Лукичъ дѣлался все остроумнѣе. Рынинъ замѣчалъ это съ досадой. Самъ онъ ничего что-то не умѣлъ выдать изъ себя, ни злого, ни игриваго... Хмѣль дѣлалъ его тяжелымъ. Ногайцевъ могъ теперь и не такъ еще задѣвать его — и онъ не въ состояніи будетъ отвѣтить ему такъ же находчиво. Разсердиться, сказать дерзость — будетъ глупо: это онъ отлично сознавалъ.

Туманъ въ головѣ все густѣлъ. Пѣніе, чадъ, пылающія щеки Паши, взвизгиваніе старыхъ цыганокъ начали обволакивать его